

ДЖ.П. ДЕЛЕЙНИ

ПРЕДШЕСТВЕННИЦА

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.111-312.4(73)
ББК 84(7Coe)-44
Д46

JP Delaney
«THE GIRL BEFORE»

Перевод с английского *Нияза Абдуллина*
под редакцией *Дмитрия Харитонова*

Печатается с разрешения издательства
Ballantine Books, an imprint of Random House,
a division of Penguin Random House LLC
и литературного агентства Nova Littera SIA

Оформление обложки *Влада Воронина*

Делейни, Дж.П.

Д46 Предшественница : [роман] / Дж.П. Делейни;
[пер. с англ. Н. Абдуллина под ред. Д. Харитонова]. — Москва : Издательство АСТ, 2017. — 384 с.

ISBN 978-5-17-098214-1

ТОГДА: Эмма и Саймон въезжают в уникальный дом, построенный выдающимся, эксцентричным архитектором Эдвардом Монкфордом. Дом требует от жильцов соблюдения строгих правил и обещает навсегда изменить их жизнь. Но что случится, если правила будут нарушены?

СЕЙЧАС: Джейн недавно потеряла ребенка; она хочет начать жизнь заново и надеется, что дом Монкфорда поможет ей это сделать. Но у этого дома — своя история, и Джейн должна понять, есть ли в этой истории место для нее, а главное — какую роль в ней сыграла ее предшественница.

УДК 821.111-312.4(73)
ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-17-098214-1

Copyright © 2017 by JP Delaney
Title-page photograph@GG Archard / Gallery Stock
© Абдуллин Н., перевод, 2017
© ООО «Издательство АСТ», 2017

Мистер Дарквуд, некогда так интересовавшийся романтической любовью и всем, что о ней говорили, теперь совершенно не выносил этой темы. Отчего эти влюбленные все время повторяются? Неужто им никогда не надоедает слушать свои разговоры?

Ева Оттенберг, «Вдовья опера»

Как и все люди, страдающие от зависимости, убийцы с индивидуальным почерком действуют по сценарию, повторяя циклические действия до превращения их в навязчивые.

*Роберт Д. Кепель, Уильям Д. Бернс,
«Убийцы с индивидуальным почерком»*

Можно сказать, что пациент не вспоминает то, что он забыл или вытеснил, но отыгрывает это. Он воспроизводит это не как воспоминание, а как действие; он повторяет это, не сознавая, разумеется, того, что это есть повторение.

*Зигмунд Фрейд,
«Воспоминание, повторение и проработка»*

Моя зачарованность образами, которые повторяются и повторяются, — или, в случае кино, «набегают», — выражает мою убежденность в том, что большую часть нашей жизни мы видим, но не наблюдаем.

Энди Уорхол

1. *Составьте, пожалуйста, полный список вещей, которые вы считаете жизненно важными.*

Тогда: ЭММА

Квартира небольшая, но симпатичная, говорит агент по аренде недвижимости с энтузиазмом, который почти можно принять за подлинный. Все необходимое рядом. Есть свой кусочек крыши: можно устроить летний солярий — с согласия домовладельца, конечно.

Милая, соглашается Саймон, избегая моего взгляда. Я поняла, что квартира не годится, как только увидела шестифутовую полосу крыши под окном. Сай тоже это понимает, но агенту говорить не хочет, по крайней мере сразу, чтобы не показаться грубым. Может быть, он даже надеется, что если я вдоволь наслушаюсь этой болтовни, то засомневаюсь. Саймону агент по душе: за словом в карман не лезет, напористый, деловой. Возможно, читает журнал, в котором Саймон работает. Мы еще по лестнице не поднялись, а они уже разговорились о спорте.

А тут — вместительная спальня, говорит агент. С широкой...

Не годится, перебиваю я, прекращая спектакль. Нам не подходит.

Агент поднимает брови. Говорит: в этом деле излишняя привередливость неуместна. К вечеру квартира уйдет. Сегодня ее уже смотрели пять раз, а ведь она еще даже на сайте не выставлена.

Предшественница

Здесь небезопасно, равнодушно говорю я. Идем?

На всех окнах запоры, замечает он, а на двери «Чабб»*. Разумеется, если соображения безопасности имеют для вас особое значение, вы сможете поставить сигнализацию. Вряд ли домовладелец будет возражать.

Он обращается к Саймону, минуя меня. *Особое значение*. С тем же успехом он мог бы сказать: а, ну если ваша девушка — истеричка...

Жду снаружи, говорю я и разворачиваюсь.

Осознав свой промах, агент добавляет: если вам не нравится район, то, наверное, стоит посмотреть дальше к западу.

Смотрели уже, говорит Саймон. Нам там все не по карману. Если только не с чайный пакетик размером.

Он старается скрыть досаду, но то, что ему приходится это делать, злит меня еще больше.

Агент говорит: есть квартира с одной спальней в Куинз-Парк. Средненькая, но...

Смотрели, говорит Саймон. Нам в конце концов показалось, что все-таки близковато к этим местам. По его тону понятно, что *нам* означает «ей».

Есть еще одна на третьем этаже, только нужно в Килберн...

И ее смотрели. Там рядом с окном проходит водосточная труба.

Агент озадачен.

По ней могут взобраться, поясняет Саймон.

Ясно. Ну, сезон только начался. Может, если подождете немного...

Агент явно решил, что мы попусту тратим его время: он тоже потихоньку отступает к двери. Я выхожу на лест-

* Сувальдный замок фирмы «Чабб». *Здесь и далее — примеч. пер.*

Дж.П. Делейни

ничную площадку, стою там, чтобы он не оказался рядом со мной.

Мы уже сообщили владельцу, что съезжаем, слышу я слова Саймона. Вариантов у нас немного. Он понижает голос. Слушай, друг, нас ограбили. Пять недель назад. В квартиру ворвались двое, угрожали Эмме ножом. Понимаешь, почему она сейчас немного нервная?

Ох ты, говорит агент. Черт. Если бы с моей девушкой так обошлись, я бы не знаю что сделал. Слушай, есть вариант, хотя... уж не знаю, понравится ли... Он умолкает.

Да? говорит Саймон.

В агентстве не упоминали о Доме один по Фолгейт-стрит?

Вроде бы нет. Его недавно выставили?

Не совсем.

Агент, кажется, не знает, продолжать или нет.

Но он сдается? наступает Саймон.

В принципе, да, говорит агент. Дом потрясающий. Совершенно потрясающий. С этим и не сравнить. Правда, владелец... мягко говоря, *требователен*.

Что за район? спрашивает Саймон.

Хэмпстед, говорит агент. Ну, скорее даже Хендон. Но там реально тихо.

Эм? зовет меня Саймон.

Я возвращаюсь. Говорю: можно и посмотреть. Уж полпути прошли.

Агент кивает. Говорит: загляну в офис, узнаю подробности. Я в тот дом клиентов давно не водил. Место такое, не каждому подойдет, но вам, думаю, придется по вкусу. Это я ни на что не намекаю.

Сейчас: ДЖЕЙН

— Это последняя. — Агент по имени Камилла барабанит пальцами по рулю своего «Смарта». — Давайте-ка уже определимся.

Я вздыхаю. Мы только что посмотрели квартиру в обшарпанной многоэтажке близ Вест-Энд-лейн. Она — единственная мне по карману, и я почти убедила себя, что она мне нравится, закрыла глаза на облезавшие обои, на слабый запах еды, готовившейся этажом ниже, на тесную спальню и на плесень, заведшуюся в непроветренной ванной. Но потом вдруг поблизости прозвенел колокольчик — старинный, ручной колокольчик, — и квартира наполнилась детскими криками. Подойдя к окну, я увидела школу. Разглядела класс для дошкольников; на его окнах висели вырезанные из бумаги зайчики и гуси. Все мое нутро сжалось от боли.

— Не по мне, — выдавила я из себя.

— Почему? — Камилла казалась удивленной. — Дело в школе? Предыдущим жильцам нравилось, что слышно, как во дворе дети играют.

— И все-таки они здесь недолго прожили. — Я отвернулась от окна. — Пойдемте?

Теперь, по дороге в офис, Камилла хранит долгое, тактическое молчание. Наконец она говорит: — Если

Дж.П. Делейни

ничего из того, что мы сегодня видели, вам не подходит, то вам, возможно, нужно будет расширить свой бюджет.

— К сожалению, мой бюджет не сдюжит, — сухо отвечаю я, глядя в окно.

— Тогда, наверное, вам стоит быть менее придирчивой, — язвительно говорит она.

— Насчет этой квартиры. У меня... есть причины, по которым я не могу жить возле школы. Сейчас не могу.

Я вижу, как она переводит взгляд на мой живот, еще немного дряблый после родов, и ее глаза расширяются, когда она связывает одно с другим. — Ох, — говорит она. Камилла, к счастью, поумнее будет, чем кажется. Мне не приходится ничего объяснять.

Ей самой в голову приходит мысль.

— Есть еще одно место. Его, вообще-то, нельзя показывать без разрешения владельца, но мы время от времени все равно это делаем. Кого-то этот дом пугает, но лично я думаю, что он удивительный.

— Удивительный дом, который мне по карману? Плавающий, что ли?

— Боже, нет. Наоборот. Современное здание, в Хендоне. Особняк — спальня всего одна, зато места уйма. Владелец — архитектор, который его и построил. Очень знаменитый, кстати. Вам случается покупать одежду в «Уондерер»?

— В «Уондерер»... — В прошлой жизни, когда у меня водились деньги и была приличная работа с хорошей зарплатой, я порой заходила в «Уондерер» на Бонд-стрит — помещение в ужасающе минималистском стиле, где платья по кусачим ценам были разложены по толстым каменным плитам, словно жертвенные девственницы, а продавцы-консультанты одеты в черные кимоно. — Иногда. А что?

Предшественница

— Все их магазины спроектированы «Монкфорд партнершип». Он из тех, кого называют техно-минималистами или как-то так. С виду вроде голые стены, но полно скрытых примочек. — Она бросает на меня взгляд. — Должна предупредить: кто-то находит этот стиль слегка... суровым.

— Переживу.

— А еще...

— Да? — приободряю я ее, когда она замолкает.

— Там не совсем обычное соглашение об аренде, — нехотя говорит она.

— То есть?

— Мне кажется, — говорит она, включая поворотник и перестраиваясь в левую полосу, — сперва надо взглянуть на дом. Вдруг вы в него влюбитесь? Тогда уж расскажу про недостатки.

Тогда: ЭММА

Ладно, дом поразительный. Удивительный, потрясающий, невероятный. Словами не описать.

По улице и не скажешь. Два ряда ничем не примечательных викторианских домов: красный кирпич и створчатые окна — каких полно по всему северу Лондона; они поднимаются по холму в сторону Криквуда, словно гирлянда; каждый следующий — копия предыдущего. Различаются только дверями и цветными окошками над ними.

В конце улицы, на углу, стоял забор. За ним я увидела небольшое приземистое здание, куб из бледного камня. На то, что это — жилой дом, а не исполинское пресс-папье, указывало лишь несколько разбросанных, как будто наобум, по фасаду горизонтальных окон-щелей.

Ого, неуверенно говорит Саймон. Это вот — он?

Агент весело отвечает: Он самый! Дом один по Фолгейт-стрит.

Он ведет нас вдоль дома; в стене совершенно неожиданно обнаруживается дверь. Звонка, похоже, нет; я также не вижу ни ручки, ни почтового ящика; нет и таблички с именем, ничего, что указывало бы на человеческое присутствие. Агент толкает дверь, та распахивается.

Предшественница

Кто здесь сейчас живет? спрашиваю я.

Сейчас — никто, говорит он, пропуская нас вперед.

А почему не было заперто? нервно спрашиваю я, стоя на месте.

Агент ухмыляется. Вообще-то было, говорит он. У меня в телефоне — цифровой ключ. Все управляется одним приложением. Нужно только сменить статус «Нежилой» на «Жилой». Дальше все происходит автоматически. Датчики внутри дома реагируют на кодовый сигнал и впускают меня. А если на мне электронный браслет, то и телефон не нужен.

Да вы *шутите*, говорит Саймон, глаза на дверь. Я едва не смеюсь над его реакцией. Для Саймона, помещенного на гаджетах, дом, управляющийся с телефона, — это как все самые лучшие подарки на день рождения в одной коробке.

Я захожу в крохотную прихожую размером не больше буфета. Следом входит агент, и нам становится тесно; я без приглашения иду дальше.

Теперь моя очередь говорить «ого». Внутри просто потрясающе. Огромные окна с видом на крохотный сад и высокую каменную стену заливают помещение светом. Дом небольшой, но кажется, что просторно. Пол и стены из бледного камня. Желобки вдоль плинтусов создают такое впечатление, будто стены парят в воздухе. И — *пусто*. Не в том смысле, что нет мебели: у одной из стен я вижу каменный стол, очень крутые, дизайнерского вида столовые стулья, длинный низкий диван в плотном кремовом чехле — но больше ничего, глазу не за что зацепиться. Ни дверей, ни шкафов, ни картин, ни оконных рам, ни розеток на виду, ни светильников, ни — я растерянно озираюсь — даже выключателей. Дом не выглядит заброшенным или нежилым, но в нем царит идеальный порядок.

Дж.П. Делейни

Я повторяю: ого. Голос звучит как-то странно приглушенно. Я осознаю, что с улицы не доносится ни звука. Вечного шума Лондона — дорожного движения, монтажников-высотников, автомобильных сигнализаций — больше не слышно.

Так почти все говорят, соглашается агент. Простите за занудство, но хозяин требует, чтобы разувались. Прошу...

Он нагибается расшнуровать свои пижонские туфли. Мы следуем его примеру. Резкая, нагая пустота дома словно отбила у агента охоту молотъ языком: на вид потрясенный не меньше нашего, он молча шаркает носками по дому, а мы оглядываемся.

Сейчас: ДЖЕЙН

— **В**еликолепно, — говорю я. Внутри дом напоминает картинную галерею: кругом красота и совершенство. — Просто *великолепно*.

— Скажите? — говорит Камилла. Задрав голову, она смотрит на голые стены из какого-то дорогого кремowego камня, уходящие высоко под крышу. На второй этаж ведет самая безумная минималистская лестница, что я видела. Она словно вырублена в скале: змейка из голого неполированного камня; ни перил, ни каких-то заметных глазу опор. — Сколько ни прихожу сюда, каждый раз дух захватывает. Последний раз я приводила группу студентов-архитекторов... Это, кстати, одно из условий. Вам придется раз в полгода устраивать день открытых дверей. Но посетители всегда ведут себя очень корректно. Это вам не в поместье жить, где туристы жвачку на ковры бросать будут.

— Кто здесь живет сейчас?

— Никто. Дом почти год как пустует.

Я смотрю на следующую комнату — если можно назвать *комнатой* свободное пространство, где и дверного проема-то нет, не то что двери. На длинном каменном столе стоит ваза с тюльпанами, на фоне бледного камня их кроваво-красные бутоны режут глаз своей ярко-